

Глава IV. Черное знамя в тылу белых (вторая половина 1919 г.)

1. Рейд на Запад

Узнав о гибели своего штаба, Махно начал партизанскую войну в тылу красных. Он старался держаться подальше от фронтовых тылов, чтобы в то же время не очень мешать обороне против Деникина. О взглядах «батько» того времени поведал красноармеец П. С. Кудло. Его свидетельства следует воспринимать с поправкой на язык этого солдата: «Советская власть (имеется в виду центральная советская власть — А. Ш.) не права тем, что есть чрезвычайки, комиссары, и это все я презираю... Советская власть допустила до того, что нет патронов, снарядов и что, вследствие этого, приходится отступать». Махно обвиняет коммунистов в сознательном вывозе снаряжения в «Совдепию» и сдаче его белым. Стратегические планы Махно предусматривают установление контроля над большой территорией, на которой можно наладить более слаженную, чем до сих пор, хозяйственную систему. В изложении красноармейца это звучит так: «Граждане, когда у нас будет Донецкий бассейн, тогда у нас будет мануфактура и вообще все, что нужно для существования крестьянина... Когда мы завоюем Малую Азию — у нас будет хлопок, когда завоюем Баку, будет у нас нефть». ¹ Эти наполеоновские, на первый взгляд, планы связаны скорее не с военными проектами (Махно не любит отрываться от родных мест), а с надеждами на мировую революцию, когда трудящиеся «завоюют» свои страны и наладят связи с украинским крестьянством. Махно надеялся на восстановление временного союза с большевиками. По воспоминаниям прибывшего в его армию В. Волина (он возглавил культурно-просветительскую комиссию ВРС), «батько» говорил: «Главный наш враг, товарищи крестьяне — Деникин. Коммунисты — все-таки революционеры». Но добавлял: «С ними мы сумеем посчитаться потом». ²

12 июля Махно неудачно атаковал Елисаветград. На следующий день махновцы встретили остатки отрядов Григорьева. Первая же встреча не оставила сомнений в намерениях Григорьева. «Когда Григорьев так сказал... есть ли у вас жида, то кто-то ответил, что есть. Он заявил: «Так будем бить»», — вспоминает Чубенко. ³ Сойдясь на необходимости сражаться с коммунистами и петлюровцами, атаманы не поладили в вопросе о белых: «Махно говорил, что будем Деникина бить. Григорьев тут уперся и стал говорить, что если он говорил: «Будем бить коммунистов и петлюровцев», то потому, что он уже видел, кто они такие, а Деникина он еще не видел, а потому бить его не собирается». ⁴ Махно возражал

осторожно, лишь выразив свое небольшое несогласие с григорьевским «Универсалом». Поведение Махно разъяснилось на заседании штаба, который решал вопрос об отношении к Григорьеву: «Но Махно стал говорить, что, во что бы то ни стало нужно соединиться, так как мы еще не знаем, что у него за люди, и что расстрелять Григорьева мы всегда успеем. Нужно забрать его людей: те невинные жертвы, так что во что бы то ни стало нужно соединиться». 5 Махно удалось убедить штаб — нужда в людях была ясна всем, а перспектива будущей ликвидации Григорьева успокаивала противников компромисса с погромщиком. Однако первые же действия под командованием нового командующего — Григорьева (Махно как председатель Реввоенсовета формально был выше по должности) показали, что подобный союз дискредитирует махновцев. 27 июля, когда Григорьев оказался в окружении махновских командиров, Чубенко, по предварительному уговору с ними, обрушился на Григорьева с критикой. «Сначала я ему сказал, что он поощряет буржуазию: когда брал сено у кулаков, то платил за это деньги, а когда брал у бедняков и те приходили просить, так как это у них последняя надежда, то он их выгонял...Затем я ему напомнил, как он расстрелял махновца за то, что он у попа вырвал лук и выругал попа». 6 Характерно, что Григорьев расстреливает за оскорбление священника, а Махно — за оскорбление евреев.

Главное, в чем обвиняли Григорьева махновские командиры, — то, что он отказался наступать на белых, занявших Плетеный Ташлык. Атаман пытался спорить, но, поняв, к чему клонится дело, выхватил оружие. Однако махновцы уже держали пистолеты наготове — Григорьев был убит.

Казалось, Махно выполнил свой план в отношении Григорьева и григорьевцев. Они были разоружены и после соответствующей агитационной работы включены в махновский отряд. С сознанием выполненного долга Махно отправил в эфир телеграмму: «Всем, всем, всем. Копия — Москва, Кремль. Нами убит известный атаман Григорьев. Подпись — Махно». 7 Одновременно с посылкой телеграммы, предназначенной для Кремля, Махно выпустил воззвание по поводу убийства Григорьева, в котором говорилось «Имеем надежду, что после этого не будет кому санкционировать еврейские погромы...А честно повставать трудовому народу против...как Деникина, так и против большевиков-коммунистов, вводящих диктатуру». 8

5 августа Махно издал приказ, в котором говорилось: «Каждый революционный повстанец должен помнить, что как его личными, так и общенародными врагами являются лица богатого буржуазного класса, независимо от того, русские ли они, евреи, украинцы и т. д. Врагами трудового народа являются также те, кто охраняет несправедливый буржуазный порядок, т. е. советские комиссары, члены карательных отрядов, чрезвычайных комиссий, разъезжающие по городам и селам и истязаяющие трудовой народ, не желающий подчиниться их произвольной диктатуре. Представителей таких карательных отрядов, чрезвычайных комиссий и других органов народного порабощения и угнетения каждый повстанец обязан задерживать и препровождать в штаб армии, а при сопротивлении — расстреливать на месте. За насилия же над мирными тружениками, к какой бы национальности они ни принадлежали, виновных постигнет позорная смерть, недостойная революционного повстанца». 9

Однако тяга григорьевцев к погромам оказалась непреодолимой, и вскоре Махно пришлось распустить этих вояк. Необходимо было другое пополнение.

Тем временем части РККА, состоящие из бывших махновцев, продолжали отступать на правобережье Украины. Теперь махновцы составляли основу 58 дивизии РККА. Решение большевистского руководства об эвакуации советских войск на север означало для махновцев окончательный отрыв от родных мест, бесповоротную интеграцию в РККА. Махно связался со своими бывшими командирами Калашниковым, Дерменджи и Будановым и приказал «арестовать всех политкомов и ненадежных командиров и передать их всех в распоряжение временно замещающего меня начальника боевого участка т. Калашникова (Большевистский начальник участка Кочергин также был арестован махновцами. — А. Ш.), а самим, избрав нужных командиров, перейти в контрнаступление против заседающих деникинских дивизий, не щадя на этом пути решительного действия ни одного врага революции, если бы такие оказались даже из рядов бедноты». 10

Махновский переворот в войсках прошел относительно безболезненно — части не забыли своего командира. «Собрав вокруг себя боевое ядро, махновцы неожиданно налетают на штаб 58-й дивизии, арестовывают командиров и комиссаров и объявляют войну как Деникину, так и Советской власти». 11 В Николаеве восстали пять бронепоездов, командиры которых стремились перейти к Махно. Но большевикам удалось взорвать эту технику. 12

«Ваши командиры и политкомы, — говорил Махно своим прежним бойцам, — вас продали Деникину, единственно, кто может вас вывести на верный путь, это я — Махно». 13 В результате произошедшего 13 августа в районе Нового Буга махновского переворота в частях РККА под командование «батько» перешли 4 бригады с артиллерией, кавалерией и бронепоездом. По данным Аршинова, общая численность махновцев составила около 15 тысяч человек 14, что было значительно меньше того, что Махно оставил большевикам. Перейти в наступление против деникинцев, естественно, не удалось, потому что большевики немедленно атаковали мятежные части, а деникинцы, воспользовавшись новым расколом в рядах противника, усилили натиск.

1 сентября на собрании командиров в с. Добровеличковке Махно провозгласил создание «Революционной повстанческой армии Украины». Был избран новый Военно-революционный Совет во главе с Лашенко. 15

Почти месяц махновцы сражались в районе Елисаветграда. Выбив красных из Помощней и Вознесенска, Махно получил от них предложение пойти на переговоры. Ответ был неутешительным для большевиков: «Вы обманули Украину, а главное — расстреляли моих товарищей в Гуляйполе, ваши остатки все равно перейдут ко мне, и посему я с вами со всеми, в особенности с ответственными работниками, поступлю также, как вы с моими товарищами в Гуляйполе, а затем будем разговаривать о совместных действиях». 16 Вопреки этим угрозам, Махно тогда не расстреливал попавших в его руки красных командиров, а агитировал их: «Вы узурпаторы, душители воли народной...Вы бежите от Деникина, я же разобью его в пух и прах». 17

На этом дороге Махно и РККА разошлись, Махно отступил на запад, большевики — на север. В начале сентября произошла последняя встреча с частями РККА — с выходящей из окружения группой Якира. Махновцы отсекли от нее небольшую часть и предложили ей объединиться. Большинство красноармейцев согласилось, и махновская армия обогатилась коммунистическим «стальным» полком под командованием Полонского.

В конце сентября положение махновцев стало критическим. Превосходящие силы деникинцев прогнали их через всю Украину и вытеснили в пограничные с Польшей районы, где укрепились петлюровцы. Население не поддерживало махновцев — они были чужими в этих местах. Их продвижение сковывал обоз с ранеными. В этих условиях Махно идет на временный союз с Петлюрой, который тоже воевал с деникинцами, Передав «союзнику» обоз с ранеными (впоследствии Петлюра отдаст их белым, нарушив договоренность с Махно), махновцы развернулись и атаковали преследовавшие их части Добровольческой армии. Внезапный удар, нанесенный махновцами под Перегоновкой, 26–27 сентября, был сокрушающим. Один полк противника был взят в плен, два полностью вырублены. 18 Махновская армия ворвалась в тылы деникинцев и двинулась через всю Украину тремя колоннами в сторону Гуляйпольского района. «Операции против Махно были чрезвычайно трудными. Особенно хорошо действовала конница Махно, бывшая первое время почти неуловимой, часто нападала на наши обозы, появлялась в тылу и т. п. Вообще же махновские «войска» отличаются от большевиков своей боеспособностью и стойкостью», 19 — рассказывал начальник штаба 4-й дивизии слащевцев полковник Дубего.

Под угрозой оказалась ставка Деникина в Таганроге. Инфраструктура Добровольческой армии была изрядно потрепана, что затормозило деникинское наступление на север, к Москве. С фронта срочно пришлось перебрасывать части Шкуро, чтобы локализовать быстро расширяющуюся зону, контролируемую махновцами.

Другая сторона осеннего рейда через Украину — крупнейшая вспышка классового террора махновцев. «Помещики, кулаки, урядники, священники, старшины, припрятавшиеся офицеры — все падали жертвами на пути движения махновцев," 20 — не без гордости пишет П. Аршинов. Часто махновцы руководствовались в своем терроризме настроениями местных крестьян, которые обвиняли того или иного представителя «господствующих классов». В случае, свидетелем которого был В. Волин, крестьяне обвиняли священника в провокации расстрела односельчан, и никто из присутствующих не захотел заступиться. 21 «Тюрьмы, полицейские отделения и посты — все эти символы народного рабства, были разрушены, и все, кто был известен как активный враг крестьян и рабочих, были обречены на смерть. Везде крупные помещики и кулаки уничтожались в больших количествах. Этот факт в достаточной степени демонстрирует ложность распространяемого большевиками мифа о так называемом «кулацком» характере Махновского движения», — рассказывает В. Волин. 22 В некотором отношении зажиточные крестьяне оказывались заложниками идеологических построений радикальных партий, в соответствии с которыми снисхождение к «кулакам» было признаком контрреволюции. Характерный для крестьянской войны безудержный террор здесь принял особенно большие масштабы. Для идеологов движения он был лишь свидетельством последовательной борьбы против эксплуататоров.

2. Порядок — отец анархии

Оправившись от первого удара, деникинцы отбили прибрежные города и развернулись на Гуляйполе. Но в этот момент Махно готовил невероятный по дерзости ход. «В Екатеринославе 25 октября был базарный день, — вспоминал один из членов Екатеринославского губкома РКП (б). — Со стороны степи в город вкатилось много подвод, нагруженных овощами и особенно капустой. Часа в 4 дня с верхнего базара начался оглушительный пулеметный бой, оказалось, что под капустой на подводах были пулеметы, а продавцы овощей составляли передовой отряд махновцев; за этим отрядом последовала целая армия, пришедшая со стороны степи, откуда деникинцы нападения не ждали». 23

По воспоминаниям Р. Кургана, «махновцы пробыли в городе 8 дней. За эту неделю население отдохнуло от постоянного страха и напряжения, в котором оно пребывало при добровольцах. Ни одного грабежа, ни одного убийства, кроме расстрелов захваченных офицеров, за это время в городе не было». 24 Это нападение было отбито деникинцами, но их оборона была ослаблена. 11 ноября Екатеринослав на месяц (вплоть до 19 декабря) перешел в руки махновцев. 25 В начале ноября они вели бои в районе Екатеринослава, Александровска, Большого Токмака, Полог, Орехова, Гуляйполя и Бердянска. 26 Чтобы удерживать такой большой район в сердцевине деникинского «государства», необходимы были значительные силы.

После возвращения в родной район армия махновцев начинает быстро расти за счет добровольной мобилизации. Махновская армия пополнялась и за счет отрядов, переходивших под анархистские знамена из-под желто-блакитных — из бывших петлюровцев была сформирована «Вольно — Казачья Повстанческая группа Екатеринославщины» под командованием Гладченко. Обсуждался также вопрос о союзе с махновцами петлюровских отрядов, не сменивших идеологическую ориентацию, но здесь Махно был непреклонен. Белаш вспоминал: «УНР — наш классовый враг. Ни одной винтовки я не позволю выпустить из армии для этого империалистического вассала», — кричал Махно на эсеров». 27

Поданным начштаба Белаша махновская армия в это время достигает численности в 40 тысяч человек. 28

Многотысячную армию нужно было снабжать. Отдел снабжения штаба располагал полевыми структурами в армии и окружным заготовительным аппаратом. За ноябрь (на зависть большевикам) удалось заготовить 3,5 миллионов пудов зерна и муки, что позволило установить в войсках хорошее продовольственное довольствие. Заготовки осуществлялись за счет пожертвований, постоев, реквизиций у зажиточных слоев (как и у большевиков — в союзе с бедняками), закупок и трофеев. 29

Главной опорой махновцев в освобожденном ими районе по-прежнему оставалась среднее крестьянство, объединенное самоуправляемыми советами. Вообще влиянием в деревнях левобережья кроме махновцев пользовались только эсеры. Об этом сообщала подпольная коммунистическая группа Яши Домье — Бакова, добавляя: «к «большевикам» относятся

сочувственно, к коммунистам — отрицательно». 30 Крестьяне хорошо помнили различие в политике партии Ленина в 1917 — начале 1918 г. и в 1919 г. «Махно развивает усиленную агитацию, — продолжали подпольщики, — противопоставить ей свою агитацию не можем в виду отсутствия агитационных сил». 31

Сельские сходы принимали резолюции в поддержку махновцев: «Только батько Махно и его армия могут установить настоящую справедливую жизнь и уничтожить всех врагов крестьян; поэтому все честные селяне должны идти в армию Махно, посылать сыновей, оказывать помощь продовольствием, лошадьми и всем, что потребно храбрым повстанцам». 32 Эта резолюция напоминает нам и о механизме «добровольной мобилизации», который вновь ложится в основу комплектования махновской армии. Собрание граждан Никольской волости постановило, например, 2 ноября 1919 г. «Собрание, обсудив разыгравшиеся на Украине события повстанческого движения против угнетателей — добровольческой деникинской армии, которая проводит террор, убийства, грабежи, насилия над жителями и поджоги их домов и даже целых сел, и желая прийти на помощь повстанческому движению для изгнания насильников из Украины и добытия народу земли и воли и полного порядка (Как не вспомнить известный лозунг о том, что анархия — мать порядка — А. Ш.) — постановило: объявить добровольную мобилизацию немедленно по Никопольской волости мужскому населению в возрасте от 18 до 25 лет, которым немедленно выступить на фронт повстанцев, а от 25 до 45 лет оставить дома и поручить им самообхрану в селах. В связи с этим организовать комиссию для оказания всякой помощи неимущим мобилизованным ушедшим на фронт... Командировать в Екатеринослав 3-х человек для получения указания и командировки человека из штаба повстанческой армии для формирования полка на месте. Просить также штаб о выдаче и оружия для самообхраны». 33 Этот фрагмент подробно раскрывает механизм мобилизации и самообороны в махновском районе.

Позднее съезд организаций трудящихся и повстанцев в Александровске принял резолюцию о добровольной мобилизации: «Съезд, отрицая в принципе регулярную армию, построенную на началах принудительной мобилизации, в виду тяжелого положения на фронте..., постановляет... провести на территории, освобожденной повстанческой армией (махновцев), добровольную уравнительную мобилизацию за 30 лет, то есть от 19-48 лет... Формирование производится по территориальному признаку (по селам, волостям, уездам) с выборным командным составом, хозяйственно-судебными органами при частях, начиная от полков». 34 Для проведения мобилизации была создана агитационная комиссия.

Белаш вспоминал о том, как проходила мобилизация, «аппарат отдела формирования собирает общество на «деловой» митинг, где рисует военную и политическую обстановку, призывая дать свое согласие на мобилизацию известных классов населения. Обыкновенно, население давало свое согласие и заносило его в протокол». 35

Интересно, что «добровольная мобилизация» была осуждена многими городскими анархистами, увидевшими в ней покушение на свободу. Орган Петроградской федерации анархо-синдикалистов «Вольный труд» писал: «Из двух одно: или она была добровольная, и тогда не при чем принудительный набор, или она была принудительной, и тогда незачем было прикрываться флагом добровольности». 36 Сами махновцы решали это противоречие с помощью морального давления общины: раз мир добровольно решил мобилизовываться —

будь добр, иди воевать вместе с соседями. Смысл «добровольной мобилизации» заключался не в праве индивидуального выбора — служить или нет (принцип профессиональной армии), а в согласии населения и в самоорганизации вооруженных сил. Бойцы избирали своих командиров. Командный состав от комполка и выше назначался по представлению подчиненных на собраниях комсостава корпуса или армии. 37

Необходимость координации развернувшегося процесса мобилизации, потребность в решении других неотложных вопросов — все это требовало создания политических органов, организации власти. Здесь перед махновцами встали две возможности, установление обычной для того времени военной диктатуры либо дополнение военной власти гражданскими органами, опирающимися на крестьянское самоуправление. Первую альтернативу поддерживала военная группировка, состоявшая из большинства старых командиров, входивших в Союз анархистов. Она выступала даже за ликвидацию ВРС. 38 Часть командиров, идейные анархисты во главе с Волиным и Иосифом, а также общественные организации района выступали за второй вариант. Между военной группировкой и ВРС сложились напряженные отношения, тем более, что Волин (по крайней мере, по его словам) выступал против «антисемитских настроений, разгула и пьянства части комсостава». 39 Однако Махно не собирался отказываться от своих политических идей в пользу произвола военного крыла движения. Он поддержал идею созыва съезда крестьян, рабочих и повстанцев, который должен был укрепить обратную связь между махновским движением и населением.

10 октября культпросвет ВРС созвал собрание с участием рабочих, на котором была принята резолюция о необходимости созыва в ближайшее время съезда «рабочих и крестьян города Александровска и ближайших окрестных сел» не позднее 14 октября. Однако инициатива была критически встречена профсоюзами, которые обратили внимание на отсутствии единых норм представительства и краткость срока созыва съезда, что не позволяло воспользоваться демократическими процедурами. Собрание, организованное культпросветом, было названо в ответе профсоюзов «частным совещанием». 40 Несмотря на возмущение Волина, руководство движения пошло навстречу рабочим, и сроки съезда были перенесены. Впрочем, как вспоминает Волин, «никакой избирательной кампании не было» 41, делегаты избирались организациями трудящихся и повстанческими частями.

Открывшийся 20 октября 1919 г. в Александровске съезд, по замыслу создавшего его Военно-революционного совета, носил предварительный характер. По сообщению члена Александровского комитета КПУ С. Новицкого выборы были неравноправными. Но если в большевистской зоне рабочим предоставлялись привилегии, то в махновском районе их представительство, напротив, было умалено. «Выбор делегатов на съезд по местам от крестьян происходил небольшими сходами, один делегат от небольшого села, а в других селах уже были сельские советы, которые являлись от совета по одному представителю. Рабочие же могли послать одного представителя от каждого профессионального союза». 42 Эта непривычная для большевиков практика незначительно искажала реальную социальную расстановку в махновском районе, где количество крестьян значительно превосходило число рабочих. В итоге съезд состоял из 217 делегатов от крестьян, 37 — от рабочих и 17 — от воинских частей, а также из членов ВРС. Были представлены Александровский, Бердянский, Мариупольский, Мелитопольский и Ореховский уезды. 43 Участники съезда,

названного «первым беспартийным на всем земном шаре» 44, должны были решить вопросы, не терпящие отлагательства и принять политическую декларацию. Основные же вопросы социально-политического устройства следовало решать большому съезду, созыв которого могла подготовить созданная Александровским съездом комиссия.

Для того, чтобы провести на съезде свои решения, ВРС пришлось немало потрудиться — форум был многопартиен: кроме анархистов и беспартийных в его работе активно участвовали меньшевики, левые эсеры и коммунисты. Последние провели на съезд несколько человек, в том числе члена уездного комитета С. Новицкого 45 и провокатора белых А. Орлова. 46

Чтобы держать ход съезда под своим контролем, ВРС занял места в президиуме, допуская в этом смысле лишь ограниченную демократию. Представитель ВРС Волин предлагал.

«Либо назначить в президиум съезда президиум Военно-революционного совета, созвавшего съезд по военным вопросам момента, либо избрать из состава съезда особый президиум Военно-революционного совета и пополнить его тремя делегатами». 47 Естественно, что такая странная демократия вызвала первые уколы оппозиции: «Вы нам говорите, что советы могут организовать безвластие, и что мы можем жить при таких советах, а сами этому не следуете. А вы кто? Не власть? Председательствуете, даете слово ораторам, приказываете не шуметь, а захотите — и не дадите слова». 48 Представитель социалистов обвинял анархистов в навязывании своего ведущего и стремлении к манипулированию делегатами. 49

Много лет спустя Волин так увязывал свою политическую практику и антиавторитарные теоретические принципы: «Принимая на себя инициативу по созыву съезда регионального трудового съезда махновцы брались за очень деликатную задачу. Они хотели придать важный импульс активности населения, который был необходим, похвален и понятен. Но с другой стороны, они должны были избежать навязывания себя съезду и населению, они должны были избежать появления диктаторства...Я объявил делегатам, что моя роль будет строго ограничена техническим ведением съезда». 50 Впрочем, справедливости ради надо отметить, что предположение критиков о том, что кто-то может не получить слова, носило гипотетический характер, ибо махновцы вели съезд относительно «либерально» (левые эсеры требовали даже более решительного и авторитарного ведения 51). Это давало оппозиции немало возможностей.

Прежде всего вспыхнула полемика по порядку дня. Позиция ВРС была следующей: «Совет считает этот съезд неправомочным решать крупные вопросы общественного и хозяйственного строительства, подлежащие предварительному обсуждению на местах и решению широкого, тщательно организованного съезда, созываемого самими рабочими и крестьянами. Некоторые же находят, что данный съезд должен вырешить также целый ряд крупных экономических вопросов и, затем, создать центральный руководящий орган («голову»), который провел бы решения съезда в жизнь». 52

Как видим, «некоторые» стремились к созданию гражданских органов власти, что угрожало позициям ВРС. Инерция власти, следовательно, затягивала и анархистов. Впрочем, сам

Махно так определял свое отношение к власти: «Мы — военное командование, наше дело — бить кадетов, а гражданскую власть, раз уж без власти обойтись не можете, создайте себе сами». 53 Один из делегатов предложил прежде повестки обсудить содержание термина «буржуазия», которым делегаты обозначали враждебные им силы «справа» (вероятно, автор этого предложения опасался расширительного толкования термина). Это предложение было воспринято делегатами как решение «заболтать» съезд. «Что за птица этот делегат? Кто его послал? Если после всего, что произошло, он не знает, что такое буржуазия, то они сделали плохой выбор, послав его сюда!» и Большинство съезда поддержало махновцев. П. Аршинов, уже отсутствовавший в это время в районе, несколько сгущая краски, пишет об этом. «В первый день представители политических партий пытались внести в общую работу съезда дух раздора, но тут же были осуждены всем съездом». 55

Принятая в результате повестка дня отражала позицию ВРС, но оставляла богатые возможности для представителей партий выразить свою позицию по самым важным вопросам. Повестка дня содержала следующие пункты:

1. Текущий момент:

а) общее политическое положение;

б) военное положение;

2. Доклады с мест;

3. Организация военных повстанческих сил (мобилизация, вооружение, повстанческие районы и распределение повстанческих сил, самооборона и бандитизм);

4. Организация снабжения повстанческой армии;

5. Создание съездом комиссии из крестьян, рабочих и повстанцев для созыва дальнейших съездов (местных и областного) в целях начала общественно-хозяйственного строительства;

6. Разные вопросы. 56

Формулировка пункта N 5 показывает, что временное сохранение военно-административного режима планировалось компенсировать параллельным «выращиванием» демократической структуры съездов.

Как и следовало ожидать, основная дискуссия развернулась по вопросу о политическом положении. С докладом выступил В. Волин, который «указал, что коммунисты-большевики не смогли удержаться на Украине через своих комиссаров, чрезвычайек и власти, и, по его убеждению, крестьяне и рабочие Украины сами смогут построить себе жизнь без политических партий и власти. А затем была предложена резолюция о провозглашении третьей крестьянской революции на Украине», — докладывал С. Новицкий. 57

На съезде была оглашена Декларация ВРС, которую должен был принять более представительный съезд. По словам Махно, «проект декларации повстанцев-махновцев есть поспешный плод работы нашей Гуляйпольской группы анархо-коммунистов. «». Текст был обработан Волиным. 58

Руководители движения в этом манифесте обещают после победы «Третьей революции» оставить руководящие посты: «Мы растворимся в миллионных рядах восставшего народа и приступим рука об руку с ним к свободному строительству истинно новой жизни». 59 Но условием этого должна стать победа безвластия, ожидавшаяся в ближайшем будущем. «Решительное столкновение между идеей вольной безвластной организации и идеей политической власти, таким образом, неизбежно». 60

Вслед за абстрактными декларациями следует конкретная программа насущных преобразований в области сельского хозяйства: «Задача восстановления и необходимого быстрого усовершенствования нашего отсталого и разрушенного сельского хозяйства требует, чтобы способы и пути нового землеустройства были предоставлены совершенно свободному и естественному решению и движению всего трудового крестьянства». 61 Это предполагало передачу земельных излишков местному обществу, ликвидацию совхозов, отмену декрета о национализации земли «Вся земля, по мере изъятия ее из рук частных собственников, должна поступать не во владение государства, а в ведение и распоряжение тех, кто на ней трудится». 62 Крестьяне на местах сами должны решить, как им распорядиться землей. Земельная часть декларации свободна и от традиционной классовой непримиримости к кулачеству — оно будет естественным путем втянуто в общую организацию сельского хозяйства, после освобождения от земельных излишков, разумеется.

Аналогичный подход виден и в решении рабочего вопроса: «Возможно лишь одно верное и справедливое разрешение рабочего вопроса, все средства, материалы и орудия труда, производства, транспорта и сношения...должны поступить в полное ведение и распоряжение не государства — этого нового хозяина и эксплуататора, пользующегося наемным трудом и угнетающего рабочих не меньше, чем отдельные предприниматели, — но свободных рабочих союзов и организаций, естественно и свободно же снизу объединяющихся между собою и с крестьянскими организациями при посредстве экономических советов». 63 Далее следует идея координации самоуправляющихся предприятий и хозяйств, которая должна быстро привести к слиянию общества воедино: «Необходим один трудовой союз, одна рабоче-крестьянская семья». 64 Эта анархо-коммунистическая идея сближает махновцев с современными им политическими течениями — почти все они ожидают скорейшего воплощения своих идеалов Идеалы эти были привлекательны, но практическое значение имели все же конкретные пути к свободе и справедливости, понимаемые так по-разному.

В своей декларации махновский штаб не преминул обрушиться на те формы, которые избрала для достижения идеала коммунизма РКП(б). Первоначально предложенные партией большевиков «общие лозунги совпали с инстинктивными стремлениями трудящихся масс, которые и поддержали ее в решительный момент» 65. Здесь имеется в виду близость программы большевиков до их прихода к власти к идеям анархо-коммунизма. «Но уже очень скоро начинает делаться ясным, что эта партия и эта власть, подобно всякой партии и всякой власти, будучи абсолютно бессильной в деле осуществления великих задач социальной революции, в то же время парализует свободную творческую деятельность самих трудовых масс...Прибирая к своим рукам (формально — к рукам государства) всю хозяйственную и общественную жизнь, неизбежно создавая новые политические и экономические привилегии, эта партия и эта власть убивают в корне социальную

Обсуждение проекта Декларации началось уже в Александровске. Предложение закрепить в ней принцип вольных советов как суверенных органов самоуправления встретило сопротивление со стороны части рабочей делегации и отдельных крестьян. Возражения последних были вызваны непониманием некоторых положений махновской программы, которые были завуалированы лозунговой риторикой.

«А как же будет безвластие? Если между двумя нашими селами сломается мост, то кто же будет исправлять? Так как ни наше село, ни другое не захочет его исправлять (странное предположение, если учесть, что вопросом ремонта мостов занималось местное самоуправление. — А. Ш.), а потому будет некому, то мы останемся без моста и не будем ездить в город». 67 Предположение о том, что крестьяне останутся без моста, будучи не в силах сами договориться о том, как его отремонтировать, видимо, не возымело действия на съезд. Большинство крестьянских и повстанческих делегатов высказывалось за идею вольных советов. В то же время в своей декларации махновцы лишний раз подчеркнули, что речь идет не о ненужности какой бы то ни было координации, а лишь о перемещении центров власти вниз: «В целях широкого объединения и взаимной связи все эти организации — производственные, профессиональные, распределительные, транспортные и другие — естественно создают снизу вверх объединяющие их органы в виде экономических советов, выполняющих техническую задачу регулирования общественно — хозяйственной жизни в широком масштабе». 68

Единственная альтернатива советской системе была предложена меньшевистской частью рабочей делегации, выступившей за Учредительное собрание. Лозунг Учредительного собрания лежал в основе программ умеренных социалистических партий, но близкие лозунги были провозглашены и главным военным противником махновцев — Деникиным. Неожиданное проявление на съезде «деникинской пропаганды» вызвало чрезвычайно острую реакцию со стороны Махно, 18 из 30 делегатов от рабочих покинули съезд. Так было положено начало конфликту между махновцами и рабочими крупной промышленности, находившимися под влиянием социал-демократов. Отношение к махновцам в промышленных центрах в октябре 1919 г. было разное. По воспоминаниям профактивиста Щапа, в совете профсоюзов разгорелась дискуссия об отношении к махновцам. Одна часть профработников «искала возможности «делового» разграничения сфер влияния между союзниками и повстанцами». 69 Коммунисты предлагали создать претендующий на власть Совет рабочих депутатов и оценивать махновцев по отношению к нему. Это, естественно, не устраивало меньшевиков, тем более, что они изначально были настроены в отношении махновцев непримиримо: «Махновцы не власть, а банда, с которой ни о чем нельзя и не следует говорить; они скоро уйдут, а после них неизвестно, что будет». 70

Военные вопросы повестки дня съезда не вызвали серьезных возражений у делегатов. Необходимость обороны от деникинцев понимали все, а относительно мягкий порядок добровольной мобилизации серьезных возражений не вызывал. Порядок снабжения, отработанный еще в первой половине года, был утвержден и теперь. «Содержание армии по резолюции съезда должно было покоиться на добровольных взносах крестьян, на военных трофеях и на реквизициях у богатого сословия». 71 За последнее никто заступаться не

собирался.

«Разные» вопросы обсуждались более остро — речь шла о произволе контрразведки махновцев: «Мы не хотим вмешиваться в чисто военные вопросы, но наш долг — противостоять злоупотреблениям и эксцессам, если они в действительности существуют, поскольку они могут повернуть население против нашего движения». Была создана комиссия по контролю за контрразведкой, влияние которой, впрочем, было не велико. 72

Второй вопрос, вызвавший интерес делегатов вне повестки дня — пьянство. В качестве «ответчика» делегаты вызвали коменданта города Клейна, который выпустил строгое воззвание против пьянства, но вскоре напился сам. Показательны объяснения Клейна: «Товарищи, я не прав. Я это понимаю...Я — боец, фронтовик, солдат. Я — не бюрократ. Я не знаю, почему, несмотря на мои протесты, они назначили меня на эту работу коменданта города. Как у коменданта, у меня нет других дел, кроме как сидеть за столом и подписывать бумаги. Это — не для меня! Мне нужно действие, открытый воздух, фронт, товарищи. Я здесь до смерти натерпелся. Вот почему я вчера напился. Товарищи, я хочу искупить мою ошибку. Для этого нужно, чтобы вы сказали, чтобы меня послали на фронт. Там я могу принести настоящую пользу». 73 Съезд принял решение о запрещении пьянства 74, которое, впрочем, практически не выполнялось.

На съезде прошли довыборы в ВРС. Вошедший в этот орган вместе с другими новыми членами коммунист Новицкий, утверждает, что вскоре под его влияние перешло большинство членов этого органа. 75 Но подобное «коммунистическое подполье» в ВРС почти никак себя не проявило, что заставляет заподозрить представителя коммунистов в преувеличении своего влияния. По данным Белаша ВРС на 42,5 % состоял из анархистов (85 человек — в том числе все командиры и начальники военных управлений), на 10,5 % — из левых эсеров (21 человек — командиры и делегаты от сел), 2 % — большевики (4 человека — от рабочих и военных), 35 % беспартийных крестьян (70 человек) и 10 % — беспартийных рабочих (20 человек). Меньшевики, народники, эсеры и националисты в ВРС не пошли. 76

Поскольку Махно не имел времени реально заниматься делами ВРС, он сложил с себя полномочия его председателя, и «гражданскую власть» возглавил Волин. 77 Отношения военных и ВРС оставалось напряженным. Волин вспоминает, что «Реввоенсовет и часть командного состава были на ножах; и между ними стоял и Махно, и я». 78 Возможно, эту оппозицию военщине Новицкий и отождествил с большевистским влиянием.

Продолжался и конфликт с меньшевистскими профсоюзами, который начался на съезде. Резкая отповедь Махно сторонникам «учредилки» дала меньшевикам повод расширить фронт оппозиции. 1 ноября собралась конференция части завкомов Александровска, которая приняла следующую резолюцию: «Обсудив допущенные 30 октября выпады против рабочего класса и его представителей, делегированных рабочими организациями, и обращая внимание съезда, что эти выпады становятся систематическим явлением со времени занятия города повстанцами, ...подчеркиваем, что с рабочими организациями, уцелевшими от разгрома, опираясь на грубую военную силу, совершенно не желают считаться». Упоминание грубой военной силы было связано с кратковременными арестами некоторых рабочих активистов. Меньшевики пытались своим уходом лишить съезд в

Александровске полномочий рабоче-крестьянского. «Делегаты рабочих могут вернуться в состав съезда только в том случае, если общее собрание публично снимет с рабочей делегации брошенное ей оскорбление... В отсутствие рабочих делегатов съезд явится не рабоче-крестьянским, а только крестьянским, и постановления его не смогут иметь для рабочих г. Александровска никакой моральной ответственности». 79 Но в составе съезда оставалась почти половина рабочей делегации, которая поддержала Махно вместе со всем съездом, спокойно закончившим работу 2 ноября. Чувствуя за собой эту поддержку, Махно уже 1 ноября обрушился на оппозицию, но не грубой военной силой, а статьей «Иначе быть не может»: «Допустимо ли, чтобы рабочие города Александровска и его окружений, в лице своих делегатов — меньшевиков и правых эсеров, — на свободном деловом рабоче-крестьянском и повстанческом съезде держали оппозицию деникинской учредилки?» Созыв конференции ФЗК Махно называет просто «закулисным предательством», воскрешая в памяти весну 1919 г., когда Дыбенко называл контрреволюцией махновский съезд.

В отличие от большевиков, Махно, правда, никому не грозил расстрелом, но тучи над оппозицией сгущались. Взывая к рабочим, батька вопрошал: «Правда ли, что эти ублюдки буржуазии вами уполномочены, чтобы, прикрываясь именем вашей пролетарской чести, на свободных деловых съездах призывать к старому идолу — учредилке?» 80 Часто во время гражданской войны за такими эпитетами следовали аресты и расстрелы. Но ничего этого не случилось — меньшевики продолжали свою работу в рамках махновской многопартийности, проводили резолюции о преждевременности социалистической революции на профсоюзных конференциях.

3. Анархист-реформатор

Несмотря на то, что основное внимание Махно приковывал фронт, батько волей-неволей должен был заниматься и социальными преобразованиями в освобожденном районе. Потом будет много споров о том, насколько эти преобразования соответствовали анархическим идеалам. Но ведь и сами идеалы эти анархистами понимались по-разному. Махно попытался окунуть трудящихся в море самостоятельной жизни — живите, как хотите, только не мешайте другим. Но выяснилось, что это очень непросто. И самым тяжелым в этом смысле оказался рабочий вопрос.

Конфликт с рабочими делегатами на съезде был всего лишь болезнью роста многопартийной системы в махновской «республике», в дальнейшем руководство движения было более терпимо к «реформистам». Напряженность в отношениях между махновцами и рабочими организациями не означает также, что рабочие находились под влиянием большевиков — их ораторов они иногда даже стаскивали с трибуны. 81 После того, как Махно выделил на нужды страховой больничной кассы 1 миллион рублей, отношение к нему стало меняться. Теперь махновцы воспринимались как власть. Рабочие привыкли к тому, что-либо предприниматель, либо государство должны платить им зарплату и организовывать производство. «Некоторые заводские комитеты пытались выяснить в штабе и в «военно-революционном совете», будет ли выплачено жалование рабочим и когда», — вспоминает Щап. 82 В ответ на аналогичный запрос железнодорожников Махно отвечал: «В

целях скорейшего восстановления нормального железнодорожного движения в освобожденном нами районе, а также исходя из принципа устройства свободной жизни самими рабочими и крестьянскими организациями и их объединениями, предлагаю товарищам железнодорожным рабочим и служащим энергично организовать и наладить самим движение, устанавливая в вознаграждение за свой труд достаточную плату с пассажиров и грузов, кроме военных, организуя свою кассу на товарищеских и справедливых началах и входя в самые тесные сношения с рабочими организациями, крестьянскими обществами и повстанческими частями». 83 Итак, Махно предлагал рабочим перейти на режим полного самоуправления и самокупаемости. При этом на них накладывалась повинность обслуживать армию за умеренную плату.

Первоначально железнодорожники поддержали новую организацию труда: «Они создали железнодорожный комитет, взяли железные дороги района...в свое ведение, разработали план движения поездов, перевозки пассажиров, системы оплаты и т. д». 84 — пишет П. Аршинов. Но нежелание Махно платить за все возросший объем военных работ ставил транспортников и металлистов на грань разорения, тем более, что состояние дорог было, по словам В. Белаша, «плачевным». Попытки «за любую цену» заставить рабочих ремонтировать мосты, не удалось — не было материалов, рабочие крупных заводов разбрелись. 85

Положение рабочих было бедственным. Основными видами конкурентоспособной продукции было продовольствие и зажигалки. Кормилось большинство из 2-3 тысяч рабочих района с огородов и мелкой торговли. Рабочие районы превращались в очаги уголовной преступности. 86 Помощь безработным оказывалась по двум каналам — через профсоюзы — рабочим, входящим в эти организации, и через собес — беднякам, не организованным в профсоюзы. 87 Комиссии помощи бедным 29 ноября было ассигновано 5 миллионов рублей, а профсоюзам — 10 миллионов, за которые они должны были отчитаться. Комментируя эти решения, В. Белаш писал: «Это, говорят, махновская банда, умеющая грабить, убивать, насиловать?.. Это варвары диких южных степей, не имеющие в душе теплого уголка?» 88

В отличие от рабочих крупных производств, которые не могли развернуть производство из-за отсутствия сырья и рынков сбыта (и то, и другое было отрезано фронтами), сапожники, пищевики, рабочие по коже и другие труженики небольших производств, ориентированных непосредственно на индивидуального потребителя, быстро встроились в предложенный махновцами «рыночный социализм». В этих отраслях снижалась безработица (работники по коже смогли ее и вовсе ликвидировать) 89 — постепенно расширялись масштабы обобществления производства — в начале декабря, например, пищевая промышленность полностью перешла в руки рабочих. 90 В то же время в районе сохранялся и частный сектор в промышленности. Так, даже в Гуляйполе на заводе сохранялась прежняя администрация, которая вела постоянные переговоры с профсоюзом. Труд рабочих оплачивался мукой с близлежащей мельницы, отношения с которой были установлены профсоюзом. 91

Несмотря на то, что заводчанам раздали оружие для самообороны, махновцы то и дело «реквизировали» все необходимое им прямо в цехах. Впрочем, они расхищали остановившееся производство вместе с самими рабочими, отчаявшимися хоть что-то

заработать на фабрике. Но от общероссийского экономического развала состояние района выгодно отличалось благополучным положением в сельском хозяйстве и связанной с ним легкой промышленности.

Рыночное преуспевание легкой промышленности даже вызывало критику со стороны «урavnительных» идеологов махновщины. Так газета «Повстанец» писала в анонимной статье: «Вот уж поистине, кто хорошо живет, это сапожники — никакая дороговизна им нипочем. Малейшее повышение цен на рынке перекладывается на заказчика». 92 Возникла необходимость в урегулировании денежного рынка. Пока распределительные механизмы будущего еще не были налажены, необходимо было жить в условиях товарно-денежных отношений. Но каких — в городе с разной степенью легальности ходили «керенки», «совзнаки», казначейские билеты Деникина, Петлюры, Скоропадского и т. д. Это обстоятельство, однако, не смущало, а воодушевляло махновских «экономистов». Путь к свободе писал, например: «Разве нельзя людям разрешить финансовый вопрос, когда денежные знаки имеются в громадном числе?» 93 Следуя этой наивной логике, махновцы разрешили хождение любых денег. Возможно, это согласовывалось с анархо-коммунистическими планами Махно об отмирании денег посредством их обесценивания. Впрочем, рынок не был парализован, в Екатеринославе буйным цветом расцвело кооперативное движение. «Совзнаки», правда, принимал только кооператив «Продовольствие и культура».

В распоряжении махновского штаба и финансовой комиссии ВРС на 15 октября находилось 9–10 миллиардов рублей бумажных денег различной стоимости. При этом «золотой запас» (включая драгоценности) составлял 15 миллионов старых рублей. 94 В результате активной социальной и внешней политики «махновии» к 1 декабря махновская «касса» сократилась до 5 миллиардов рублей и 2 миллиона золотого фонда. 95

Социальные издержки рыночной системы заставили Махно обратиться к системе соцобеспечения. Каждому пришедшему махновский «собес» выдавал по 300 рублей. 96 Эти деньги брали с «буржуазии». Очевидец событий М. Гутман вспоминает: «Махно наложил на зажиточную часть населения 25 миллионов контрибуции...и забрал из банков деньги, которые деникинцы не успели вывезти». Контрибуция и конфискованный капитал сортировался. «Махно не аннулировал никаких денег и брал контрибуцию как советскими, так и донскими. Впрочем, ВРС предпочитал оставлять у себя донские, поэтому населению раздавали совденьги». 97 Такая сортировка объясняется просто — на донские деньги можно было приобрести оружие и боеприпасы. Население тоже оказалось не в накладе — через месяц пришли красные, и совзнаки не пропали.

Работы по ремонту орудий махновцы также оплачивали совзнаками 98, что не всегда нравилось рабочим. Немалую роль в этих конфликтах сыграла позиция и самих рабочих. Махновцы просто не могли сойтись с ними в ценах».

Армия — одна из основных потребителей транспортных услуг, равно как и услуг машиностроителей. Но Махно не стал «вытягивать» крупное производство посредством своеобразного «военно-промышленного комплекса», когда машиностроители кормились бы преимущественно от обслуживания бронетехники. Это увеличило бы затраты на армию и

вызвало бы недовольство крестьян, обеспечивавших повстанцев безвозмездно. Желая поставить всех в равные условия, Махно возмущался, когда рабочие требовали слишком высокую, по его мнению, плату за услуги: «Сволочи, шкурники и вымогатели, пытающиеся на крови и героизме моих бойцов строить собственное благополучие». 100

В это время и Волин склоняется к мысли, что «рабочие сейчас в силу ряда условий не деятельны, робки и не революционны, и успех третьей революции зависит теперь, главным образом, от крестьянства». 101

Витриной махновского района должен был стать Екатеринослав — один из крупнейших городов Украины. Приступая к операции по его освобождению, махновцы выпустили декларацию, в которой творилось: «Это будет город, освобожденный повстанцами — махновцами от всякой власти. Это будет город, в котором под защитой революционных повстанцев должна будет закипеть вольная жизнь, должна будет начать строиться свободная организация рабочих в единении с крестьянами и повстанцами...Ни одного убийства, ни одного грабежа, ни одного насилия, ни одного сомнительного обыска...Вопрос нашего поведения в занимаемых местностях есть вопрос жизни и смерти всего нашего движения». 102 Взаимоотношения Екатеринослава и остального района, занятого махновцами, должно было послужить моделью для всей России (с поправкой на гражданскую войну, конечно).

К моменту занятия города повстанцами витрина была уже изрядно побита и в прямом, и в переносном смысле. Господство деникинской армии совершенно разорило город. Вот воспоминания антибольшевистски и антимахновски настроенного журналиста З. Арбатова о пребывании в Екатеринославе Добровольческой армии Деникина: «Вся богатейшая торговая часть города, все лучшие магазины были разграблены, тротуары были засыпаны осколками стекла разбитых магазинных окон, железные шторы носили следы ломов, а по улицам конно и пеше бродили казаки, таща на плечах мешки, наполненные всякими товарами...Контрреволюция развивала свою деятельность до безграничного дикого произвола, тюрьмы были переполнены арестованными, а осевшие в городе казаки открыто продолжали грабеж». 103

Это наследство «царей собственности и порядка» усугублялось еще и тем, что на протяжении месяца, когда город находился в руках махновцев, он непрерывно подвергался обстрелу и оставался на положении прифронтового. К тому же, как уже приходилось говорить, Екатеринославская промышленность была отрезана от смежников. Только с поправкой на эти обстоятельства можно говорить, что Екатеринослав стал опытом создания нового общества.

Каждую из проходящих в Екатеринослав армий жители оценивали прежде всего по грабегам. На общем фоне гражданской войны меры Махно против грабителей можно признать удовлетворительными. По свидетельству того же Гутмана «такого повального грабежа, как при добровольцах, при махновцах не было. Большое впечатление произвела на население собственноручная расправа Махно с несколькими грабителями, пойманными на базаре; он тут же расстрелял их из револьвера». 104 Характерно, что, вопреки своей прежней практике, махновцы перестали освобождать из тюрем всех заключенных,

ограничиваясь только политическими. Уголовникам пришлось сидеть дальше. 105

Проблема грабежей связана не с отсутствием дисциплины в махновской армии, а с деятельностью самого мрачного органа в махновской системе власти — контрразведки: «Но, конечно, грабежей было немало под обычным предлогом поисков спрятанного оружия. Один вид грабежа проводился с ведома и разрешения самого Махно; он касался квартир деникинских офицеров: не успевшие уйти из города и спрятавшиеся офицеры были все перебиты, а квартиры офицеров дочиста разграблены». 106 Здесь необходима поправка — Махно давал санкцию не на грабежи, конечно, а на расправу с офицерами. Контрразведка уничтожала всех, кто служил в карательных органах Деникина. Иногда Махно призывал и к уничтожению «буржуев». 107

В своих показаниях ревтрибуналу 14-й армии руководитель ВРС Волин утверждал: «...ко мне приходили целые вереницы людей с жалобами, что заставляло меня постоянно вмешиваться в дела контрразведки и обращаться к Махно и в контрразведку. Но боевая обстановка и задача культурно-просветительской работы мешали мне глубже вникнуть в злоупотребления, по словам жалобщиков, контрразведки». 108

Волин скромничает. Ему удавалось освобождать от наказания коммунистов. 109 Несмотря на то, что Волин по характеру своей деятельности постоянно сносился с этим ведомством 110, он констатирует: «По поводу злоупотреблений, чинимых контрразведкой армии Махно и начальником ее Зиньковским, я ничего не знаю». 111 Но общий пафос «чистосердечного признания» Волина заключается в том, что для него «контрразведка была ужасом, и я делал все возможное, чтобы прекратить чинимое ею». 112

Ясно одно — контрразведка оказалась фактически бесконтрольной. Махно и его штаб были заняты вопросами обороны и разъезжали по фронту. Волин и ВРС углубились в просветительские и экономические вопросы, судя по всему, просто не желая связываться с контрразведкой. Сам Махно признает, что ей были предоставлены фактически неограниченные полномочия: «За этой работой контрразведочные органы были уполномочены на обыски в любом доме, расположенном в зоне военного положения и почему-либо заподозренном, а также «а аресты и опросы людей, в особенности, когда таковые указываются населением». 113 Естественно, что такой порядок создавал идеальные условия для доносительства, злоупотреблений и произвола.

Александровский съезд создал комиссию «в целях разъяснения и улаживания всякого рода нареканий и недоразумений между населением (и повстанцами), с одной стороны и контрразведывательными органами, с другой» 114, но реальных следов ее деятельности видно не было.

Позднее Махно признавал: «На пути деятельности контрразведочных органов махновской армии бывали иногда ошибки, за которые приходилось болеть душой, краснеть, извиняясь перед оскорбленными». 115 Но контрразведка не очень боялась недовольствия командующего и тем более протестов разнообразных общественных организаций: «Ну так передайте своим рабочим, — уже совершенно грозно выкрикнул он, — что они как отсиживались на своих заводах, так пусть и отсиживаются, и в наши дела пусть не

вмешиваются! А если будут вмешиваться в наши дела, то мы их посадим на место», — вспоминает профсоюзный активист об общении совета профсоюзов с представителем контрразведки по поводу одного ареста. 116

Несмотря на произвол и бесконтрольность, давление общественности и руководящих махновских органов не давали машине террора развернуться так, как это происходило на территориях, занятых белыми и красными. Заняв впоследствии Екатеринослав, деникинцы, по своему обыкновению, занялись подсчетом количества жертв внесудебных органов противника. За несколько дней удалось обнаружить около 70 тел. 117 Подобные масштабы целенаправленного террора не оправдывают его, но, оценивая это явление, необходимо помнить о том, что такое террор гражданской войны. Мы уже приводили воспоминания З. Арбатова о пребывании белых в Екатеринославе. А вот воспоминания этого журналиста о месяце красного террора, организованного руководителем ВЧК Валявкой в Екатеринославе в мае 1919 г. «ночами Валявка непрерывно и торопливо расстреливал содержащихся в ЧК. Выпуская человек по 10–16 в небольшой, специальным забором огороженный двор, Валявка с 2–3 товарищами выходил на середину двора и открывал стрельбу по этим совершенно беззащитным людям. Крики их разносились в тихие майские ночи, а частые револьверные выстрелы умолкали только к рассвету... Страшной тайной остались сотни имен тех людей, которых озверелый Валявка отправил на тот свет». 118 До такого махновцам было далеко.

«Важно подчеркнуть следующее обстоятельство, — комментирует М. Маллет, — все специальные заявления по поводу контрразведки касаются городов — Бердянска, Екатеринослава, Александровска, Никополя. Ни одно из них не затрагивает сельской местности... Часто делаются сравнения с ЧК и деникинской секретной полицией. Некоторые махновские убийства были также жестоки, как и убийства, осуществленные их врагами, но нельзя сказать, что первые осуществлялись с той же методической жестокостью, что и последние». 119

Общая численность людей, сотрудничавшей с махновской контрразведкой, составляла около 5 тысяч человек. Такая разветвленная сеть и способности руководителей приводили к тому, что, по словам Белаша, «политические заговоры на восстание разоблачались в своей массе прежде чем они вполне созревали». Белаш писал свои воспоминания под контролем ОГПУ, и был вынужден добавить о провокациях контрразведки в некоторых случаях. 120 Однако характерно, что в махновском районе действительно не удался ни один мятеж или переворот, которыми так богата история гражданской войны.

Репрессивная система махновцев действовала и против командиров, которые самовольно накладывали «контрибуцию на буржуазию в личных целях». Например, 15 октября за это был расстрелян начальник штаба бригады Богданов. 121

Эффективно действовала контрразведка и в качестве разведывательного органа — ее подпольная сеть раскинулась от Одессы до Новороссийска, информируя махновцев о передвижениях частей, состоянии деникинского тыла и доставляя другую необходимую информацию. 122

Проблема соотношения эффективного подавления заговоров и провокации наиболее остро стоит в «деле Полонского» — расстреле группы коммунистов в начале декабря 1919 г. Чтобы разобраться в этом деле, необходимо сначала осветить взаимоотношения махновского руководства с оппозиционными партиями. Все социалистические партии действовали легально (кадеты считались партией Деникина).

4-го ноября ВРС принял решение об относительной свободе печати в районе». 1. Всем, без исключения, социалистическим, политическим партиям, организациям и течениям предоставляется полнейшая свобода распространять свои взгляды, идеи, учения и мнения, как устно, так и печатно. Никакие ограничения свободы социалистического слова и социалистической печати не допустимы, и никакие преследования в этом направлении не должны иметь места.

Примечание. 1. Сообщения военного характера допускаются к опубликованию лишь при условии получения их из редакции главного органа революционной повстанческой армии «Путь к Свободе», или в Революционном Телеграфном Агентстве (Ретаг).

2. Предоставляя всем социалистическим партиям и организациям полнейшую свободу своих идей, военное командование Повстанческой Армии в то же время предупреждает все партии, что ПОДГОТОВКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И НАВЯЗЫВАНИЕ ИМИ ТРУДОВОМУ НАРОДУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ, ничего общего со свободой распространения своих идей не имея, РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПОВСТАНЧЕСТВОМ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ допущено не будет». 123

Выходили их оппозиционные газеты — коммунистическая «Звезда», резко критиковавшая каждый шаг махновцев, правозэсеровская «Народовластие» и левозэсеровская «Знамя восстания». Активно действовали анархисты, выпускавшие официальные газеты «Путь к свободе» («Шлях до волі») и «Повстанец» — соответственно органы штаба и культпросвета ВРС. На местах издавались газеты «Вольный Бердянск», «Вольный Александровск», «Вольное Гуляйполе», «Вольный Мелитополь» и т. д.

Дела большевиков в условиях этого плюрализма были не блестящи — меньшевики укрепляли свое влияние среди рабочих, в ущерб большевикам. 124 Но неудачи на ниве борьбы за пролетариат не смущали коммунистов — главным направлением их деятельности оставалась «борьба за войско» — эта сила понадобится, когда в район придут красные. Бывший член Екатеринославской комсомольской организации вспоминает. «». При махновцах работалось легче. Была «полулегальная» работа...Наш союз принялся горячо за разбрасывание листовок среди махновских отрядов». 125 Свобода агитации есть свобода агитации, хотя содержание большевистских материалов не могло не раздражать руководителей движения. «Революционное значение повстанчества исчерпывается постольку, поскольку вместо власти рабоче-крестьянских советов оно выдвигает власть кучки представителей военного командования, власть всякого рода штабов, комендантов и прочее и прочее," — писала газета «Звезда»«. Нужно утвердить железный революционный порядок. Установить строжайшую революционную дисциплину. Положить предел бесшабашной, безвластной анархии и бессмысленной несогласованности действий, единственным результатом которой может быть только усиление контрреволюционных

элементов...Идея безвластия, обеспечивающая имущим слоям деревни свободу от всякого давления со стороны пролетариата и союзной ему крестьянской бедноты, как нельзя более пришлась по вкусу деревенским кулакам и прижималам. Анархическая система организации промышленности также не могла не найти сторонников в отсталости и не вполне дожившей даже до степени капиталистической организации деревни», — писал в «Звезде» П. Горенев. 126

Махно было обидно читать подобные строки, и иногда он был готов перейти к репрессиям. 127 Но как политическая система движения, так и личные качества командарма удерживали его от ударов по прессе. Она не закрывалась, хотя иногда тиражи конфисковывались как клеветнические. Анархистские издания азартно полемизировали со «Звездой». Махновские патрули спокойно относились к оппозиционным журналистам. 128

Другое, отнюдь не агитационное направление большевистской работы вызывало гораздо большие опасения у контрразведки, которая занималась, конечно, не только злоупотреблениями. Коммунисты образовали подпольный губревком, который собирал разведывательную информацию о махновской армии. 129 Подпольные коммунистические организации (а ведь партия не запрещена) были организованы в пехотных и артиллерийских частях махновцев. 130 Они ждали своего часа, и этот час настал в декабре, когда появление РККА стало вопросом дней. Главной опорой коммунистов в грядущих действиях был «стальной полк», присоединившийся к махновцам в августе. Командование им оставалось в руках коммуниста Полонского и его окружения. Полк действовал в районе Никополя.

В самом конце ноября Полонской, его адъютант Семенченко, бывший председатель ревтрибунала при Екатеринославском полку Вайнер и жена (или сожительница) Полонского приехали с фронта в Екатеринослав. Вскоре они были арестованы. По делу были привлечены также несколько командиров полка. Следствие выдвинуло несколько обвинений. Во-первых, махновцы «заметили, что Полонский окружил себя партийными коммунистами большевиками, что-то тайное вырабатывает, противное повстанчеству». 131 За этой невнятной формулировкой можно усмотреть только факт конспиративных собраний коммунистов, который подтверждается существованием их подпольных органов. Во-вторых, «его окружают коммунистические палачи, распинавшие махновскую дивизию в мае и июне месяцах 1919 г». 132 Здесь речь идет о Вайнере, бывшем председателе ревтрибунала, не имевшем, кстати, прямого отношения к расправам над махновцами в первой половине 1919 г.

Наиболее серьезным пунктом обвинения явились документы, захваченные у направлявшегося на север Семенченко. В этих письмах, адресованных красному командованию, говорилось, что несмотря на переименование полка в повстанческий, его командиры «все такие же как были, ждем сами знаете чего». 133 Против Полонского свидетельствовал и один из командиров Огаркин, пользовавшийся его доверием. Благодаря Огаркину контрразведка была в курсе подпольной работы коммунистов. 134

Окружение Полонского и связанный с ним подпольный губком сигнализировали РККА, что готовы поддержать ее против Махно. Контрразведка добилась также показаний о

подготовке покушения на Махно, но достоверность их сейчас уже нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. По версии начальника контрразведки Голика, Полонский планировал угостить Махно отравленным коньяком на вечеринке в честь приезда жены. 135

Ввиду опасности большевистского переворота и нового натиска деникинцев на Екатеринослав, обвиняемые были расстреляны 25 декабря без публичного разбирательства. Против расстрела без суда (видимо, постфактум) проголосовал ВРС. На его заседании один из командиров Голик заявил о необходимости расстреливать всех коммунистов, на что получил ответ: «если вы их будете расстреливать, то армия расстреляет вас». 136 Против расстрела выступали также анархисты-идеологи и часть командиров — Аршинов, Волин, Алый, Чубенко и возможно Белаш. Но старое окружение Махно из гуляйпольцев на совместном заседании ВРС и комсостава 25 декабря настояло на расстреле. 137 Командиры всерьез опасались большевистского переворота в частях в случае приближения красной армии к махновскому району. ВРС создал комиссию по дополнительному расследованию этого дела в составе Белаша, Уралова и Волина 138, но вскоре обстановка в районе резко изменилась, и отчитываться стало не перед кем.

Репрессивная система была лишь одним из элементов административных структур, вызревших в махновском районе. Большой властью на местах обладали коменданты, командиры частей. Попытка «ввести» безвластие, декларированная Волиным на Александровском съезде и в приведенных выше документах, разумеется, не удалась. Район представлял собой прифронтовую зону, был изолирован от страны и насквозь военизирован. В таких условиях речь могла идти лишь о более или менее жесткой форме военного режима. Приведенные выше факты показывают, что на общем фоне гражданской войны махновцы сумели создать относительно демократический режим, хотя и не без авторитаризма, репрессий и злоупотреблений. Главной опорой диктаторских тенденций в махновщине явился социальный слой «людей войны», своего рода «преторианской гвардии», зародившейся, как уже говорилось, еще в 1918 г. Возникновение социального слоя, кормящегося войной и не имеющего другого занятия, кроме войны, — универсальное явление, сопровождающее любой длительный военный катаклизм.

Исследователь махновского движения М. Кубанин писал об этом: «За время империалистической войны и нескольких революций и контрреволюционных переворотов, на Украине образовался широкий кадр людей, выходцев из крестьянства, которые потеряли связь с деревней и в нее возвращаться не могли или не хотели». 139 Добавим, что в эту среду входили и выходцы из других социальных слоев, включая рабочий класс и интеллигенцию. Вечные бойцы войны и революции не умели жить в мире, они разжигали классовую войну в 1918 г., они ждали окончания нэпа и в 20-е гг., заполнив собой клетки партийной, государственной и общественной бюрократии, они поддержали сталинский перелом.

Во время гражданской войны они были главным горючим материалом военной конфронтации, но и главным строительным материалом диктатур, новой государственности. Не избежала их влияния и «Махновия».

Этой тенденции в махновском районе противостояли многопартийная система, свобода информации, сильное местное и производственное самоуправление. Во многих деревнях были выбраны советы, в других местах их роль играл сход. Крестьянское самоуправление опиралось на вооруженную самооборону. Вооружались и рабочие. В районе разворачивалась культурно-просветительская работа анархистов и меньшевиков: читались лекции, проводились дискуссии, шло обучение грамоте. Театральная секция культпросвета организовывала театральные постановки и танцы, руководила оркестрами, существовавшими в полках и ротах. 140

В районе продолжали действовать профсоюзы, которые вели переговоры об условиях труда и оплаты с администрацией предприятий. 141 В профсоюзы входило 60–70 % рабочих. 142 Набатовцы пытались создать синдикалистские профсоюзы (производственные корпорации, полностью контролирующие производство и обмен), но рабочие предпочли более привычные формы организации. Попытки анархо-коммунистов создать городскую коммуну (экономический совет), способную выполнять подобные синдикатам функции, также столкнулась с сопротивлением рабочих, представители которых (видимо, меньшевики) поговаривали о необходимости вернуться к традиционной городской управе и думе. В городах по воспоминаниям Белаша, создавались "«советы вольных городов», управляющие собою на основе личных симпатий и свободного договора». 143

В Екатеринославе проходили многолюдные политические собрания, в которых участвовали представители различных идеологических направлений. Так 27 ноября в конференции по вопросу «О ближайших задачах экономического строительства» участвовало более 2500 человек. Конференция обсуждала практические шаги по созыву долгожданного «широкого съезда», решение о котором было принято еще в Александровске. 144

«Махновия» воспринимала себя как часть мировой революции. Махно по каналам «Набата» направлял значительную часть золотого запаса армии на помощь анархистским организациям России, Украины, Польши, Грузии, Румынии, Австрии, Франции, Италии и Испании. 145 Несмотря на то, что часть средств терялась в руках недобросовестных лиц, примкнувших к анархистскому движению, эти деньги способствовали расширению анархистской прессы. О личной честности лидеров движения, через руки которых во время войны проходили большие ценности, говорит и тот факт, что позднее в эмиграции все они жили очень скромно, иногда — в бедности. Они верили в «мировую революцию» и жили для нее.

До схватки с «мировым империализмом» и большевиками махновцам еще предстояло испытать удар новой, неожиданно пришедшей силы. Зимой 1919 г. до Екатеринославщины докатилась волна эпидемии тифа. Армия во главе с самим Махно заразилась наполовину — из 75 тысяч болело около 35 тысяч. 146 «Повстанчество превратилось в громаднейший обоз больных». 147, — сообщал С. Новицкий.

А тут еще на Екатеринослав обрушилась масса отступавших деникинцев, которым махновцы не давали обороняться от наседавшей с севера РККА. В середине декабря вокруг города разгорелись ожесточенные бои. З. Арбатов вспоминает об отступлении махновцев из Екатеринослава: «Пушки были сняты и галопом увезены, редкая цепь самых преданных

Махно людей сдерживала натиск неизвестного противника, и когда силы ослабели, махновцы вскочили на поджидавших их коней и бешено умчались из города». 148 «Последним ушел Махно, и минут 10 спустя по той же самой Садовой, по которой, оставляя город, с трудом сдерживая горячего коня, спокойно проехал Махно, показались верховые с офицерскими погонями на плечах». 149 Перевешав на деревьях оставленных махновцами тифозных больных и разграбив все, что еще можно было, слащовцы оставили город. В Екатеринослав вошла Красная Армия.

Примечания

1 РГВАФ. 199, Оп. 2, Д. 182, Л. 18

2 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 330, Л. 14.

3 Там же, Д 274, Л. 40.

4 Там же, Л. 41-42.

5 Там же, Л. 4243.

6 Там же, Л 4647.

7 Кубанин М. ук. соч. С. 83.

8 Цит. по Гончарок М. Ук. соч. С. 59.

9 Нестор Иванович Махно. С. 154-155.

10 Махно Н. Махновщина...С. 59.

11 Нестор Иванович Махно. С. 68.

11 Там же.

12 ЦДАГОУ. ф. — оп. 2, Д. 51, Л. 25.

13 Аршинов П. Ук. соч., С. 135.

14 Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 125.

15 Нестор Иванович Махно. С. 68.

16 Там же, С. 72.

17 Кубанин М. ук. соч., С. 87.

18 Цит. по Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 133.

19 Аршинов П. Ук. соч., С. 142.

20 VolineV. Op. cit. P. 621-623.

21 VolineV. Op. cit. P. 620.

22 Пятая годовщина...С. 227.

23 Нестор Иванович Махно. С. 68.

24 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 170.

25 «Повстанец». 8. 11. 1919.

26 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 67.

27 Кубанин М. Ук. соч., С. 162.

28 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 75.

29 Там же, Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 15.

30 Там же.

31 Пятая годовщина...С. 257.

32 Руднев Р. Ук. соч. С. 52.

33 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 155-156.

34 Там же, Л. 79.

35 Цит. по Руднев Р. Ук. соч. С. 52.

36 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351 Д 79.

37 Там же, Д. 330, Л. 16.

38 Там же, Л. 17.

39 Там же, Д. 351, Л. 150.

40 Voline V. Op. cit. P. 634.

41 ЦДАГОУ. Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 21.

- 42 Там же; «Повстанец». 8. 11. 1919. Газета дает несколько меньшее количество делегатов, в целом сохраняя пропорции.
- 43 ЦДАГОУ. Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 21.
- 44 Там же, Л. 22.
- 45 Кубанин М. Ук. соч., С. 92.
- 46 «Повстанец». 8. 11. 1919.
- 47 Кубанин М. ук. соч., С. 94.
- 48 Voline V. Op. cit. P. 637.
- 49 Op. cit. P. 633.
- 50 Op. cit. P. 639–640.
- 51 «Повстанец». 8. 11. 1919.
- 52 Нестор Иванович Махно. С. 79.
- 53 Voline V. Op. cit. P. 637–638
- 54 Аршинов П. Ук. соч., С 147
- 55 Повстанец. 8. 11. 1919.
- 56 ЦДАГОУ. Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 21.
- 57 «Дело труда». N 15. С. 14; Ц 5-1-330-14.
- 58 Тепер И. Ук. соч., С. 14.
- 59 Там же.
- 60 Там же, С. 58.
- 61 Там же, С. 58–59.
- 62 Колесников Б. Ук. соч., С. 407.
- 63 Кубанин М. ук. соч., С. 112.
- 64 «Повстанец». 8. 11. 1919.
- 65 Там же.

- 66 Кубанин М. Ук. соч., С. 94.
- 67 Там же, С. 95.
- 68 Колесников Б. ук. соч. С. 323.
- 69 Там же.
- 70 Аршинов П. Ук. соч., С. 147
- 71 Voline V. Op. cit. P. 643-644.
- 72 Op. cit. P. 647.
- 73 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351 Д 157.
- 74 Там же, Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 22, 24.
- 75 Там же, Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 94.
- 76 Там же. Д. 330, Л. 18.
- 77 Там же.
- 78 Колесников Б. Ук. соч., С. 319-320.
- 79 Там же, С. 321.
- 80 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 96.
- 81 Там же.
- 82 «Путь к свободе». 16. 10. 1919.
- 83 Аршинов П. Ук. соч., С. 145.
- 84 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 84.
- 85 Там же, Д. 274, Л. 104.
- 86 Там же, Д. 351, Л. 185-186.
- 87 Там же.
- 88 «Звезда». 15. 1. 1919.
- 89 Там же. 6. 12. 1919.

- 90 ГАЗО. Ф. Р 1058, Оп. 1, Д. 1, Л. 51.
- 91 «Повстанец». 8. 11. 1919.
- 92 «Путь к свободе». 25. 11. 1919.
- 93 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 85.
- 94 Там же, Л. 86.
- 95 Колесников Б. Ук. соч., С. 324.
- 96 Там же.
- 97 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 185.
- 98 Яковлев Я. Ук. соч., С. 27.
- 99 Колесников Б. Ук. соч., С. 324.
- 100 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351Д 151.
- 101 Кубанин М. Ук. соч., С. 88-89.
- 102 Архив русской революции, Т. 12, Берлин 1923. С. 91, 94.
- 103 Кубанин М. Ук. соч., С. 186.
- 104 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. Л. 274-106.
- 105 Там же.
- 106 Там же, Л. 88.
- 107 Там же, С. 116.
- 108 Махно Н. Махновщина...С. 41.
- 109 Там же.
- 110 Кубанин М. Ук. соч., С 116.
- 111 Там же
- 112 Махно Н. Махновщина. С. 44-45.
- 113 ЦДАГОУ Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 157.

114 Там же, С. 45.

115 Колесников 5. Ук. соч., С. 327.

116 «Приднепровский край». 4(17) 12. 1919.

117 Архив русской революции. Т. 12. С. 80–90. Свидетельства противника советской власти подтверждаются и коммунистом Д. Гопнером, приехавшим в Екатеринослав в это время.

118 РЦХИДНИ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 2159, Л. 38.

119 Mallet M. Op. cit. P. 104.

120 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 88.

121 Там же, Д. 351. Л. 149.

122 Там же, Д. 274, Л. 89.

123 Там же, Д. 351, Л. 163–164.

124 Там же, С. 102.

125 Пятая годовщина...С. 223.

126 «Звезда». 15. 12. 1919.

127 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 172.

128 Пятая годовщина...С. 102.

129 «Пролетарская революция». 1922. N 9. С. 201.

130 ЦДАГОУ. Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 22.

131 Руднев В. Ук. соч., С. 55.

132 Там же.

133 Там же. С. 56.

134 ЦДАГОУ Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 190.

135 Там же, Л. 191.

136 Там же, Ф. 1, Оп. 2, Д. 52, Л. 22–23.

137 Там же, Л. 23; Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 192–193.

138 Mallet M. Op. cit. P. 52.

139 Кубанин М. Ук. соч., 174.

140 ЦДАГОУ Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 91.

141 ГАЗО, Ф. Р-1058, Оп. 1, Д. 1, Л. 80,83.

142 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 104.

143 Тамже, Л. 96-97.

144 Там же, Д. 351, Л. 180.

145 Там же, Д. 274, Л. 85.

146 Там же, Д. 351, Л. 191; РЦХИДНИ. Ф. 76, Оп. 3, Д. Ю 9, Л. 36.

147 ЦДАГОУ. Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 23.

148 Архив русской революции. Т. 12. С. 98.

149 Там же.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 7 мая 2025 15:58:08

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 7 мая 2025 17:24:52